

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЛИ СТАРЫЕ МОРЯКИ

В ответ на радиопередачу, в которой я огласил письмо Ф.И. Шаляпина к А.М. Горькому, пришел пакет из Ленинграда. Прислал его Николай Павлович Ядров, бывший матрос легендарного крейсера “Варяг”, участник штурма Зимнего дворца в октябре 1917 года, член Военного отдела Народного комиссариата по морским делам, прослуживший на флоте около полвека, позже персональный пенсионер. Товарищ Ядров сообщал, что в молодости ему посчастливилось не только слышать Федора Ивановича Шаляпина, но и встречаться с ним. В дореволюционную пору дирекция Мариинского театра в Петербурге часто использовала в качестве статистов матросов Гвардейского экипажа. В число этих статистов попал и матрос Ядров. Благодаря этому в продолжение нескольких лет он имел возможность постоянно слушать лучших русских певцов, в том числе и Шаляпина. К своему письму Н.П. Ядров приложил несколько страничек воспоминаний. Написаны они очень просто и непринужденно. И для нас интересен в них не только тот, о ком они рассказывают, интересен и тот, кто писал их, – не директор театра, не сослуживец-артист, не личный враг и не личный друг Шаляпина, а рядовой человек, скромный участник оперного спектакля, восторженный почитатель великого певца. Мы часто читаем: “Рабочая аудитория любила Шаляпина...”, “Искусство Шаляпина было доступно...”. Но почти всегда это пишут критики и биографы, историки театра, люди искусства. Здесь мы видим великого певца глазами молодого матроса, и глаза эти смотрят на сцену не из театрального зала, а из-за кулис. Мы видим Шаляпина в моменты творчества – на сцене и в артистической. Видим его перед бойцами, уходящими на фронте гражданской войны. В мемуарную литературу о Шаляпине воспоминания Н.П. Ядрова вносят подробности живые и достоверные. В рассказе старого моряка мы улавливаем тот восторг, тот сердечный трепет, который вызывали игра и пение Шаляпина. И хочется сказать спасибо товарищу Ядрову за то, что он написал эти странички и разрешил опубликовать их. Н.П. Ядров пишет: “В минувшие годы, до революции, Мариинский театр в Петербурге по договоренности с Гвардейским экипажем, в зависимости от того, какая идет опера или балет, требовал на каждый день столько-то матросов-статистов. Нас, матросов, строем водил в театр унтер-офицер Ермаков, который хорошо был знаком с театральной жизнью. Начиная с 1912 года я постоянно бывал статистом. За каждый выход на сцену нам платили 25 копеек, а с 1915 года прибавили – стали платить 50. В то время для нас это деньги были большие, так как матрос получал жалованья всего 87 с половиной копеек в месяц. Много интересных артистов удалось мне видеть и слышать в те времена – Собинова, Андреева, Смирнова, Каракаша, Тартакова, Збруеву. Но особенно запечатлелся в моей памяти облик Федора Ивановича Шаляпина. Мне посчастливилось видеть его в операх “Русалка”, “Иван Сусанин”, “Фауст”, “Хованщина”, “Севильский цирюльник”, “Юдифь”, “Князь Игорь”, “Борис Годунов” и другие. Сорок с лишним лет прошло с тех пор. Но созданные великим артистом образы и по сей день сохраняются в памяти. Его чарующий голос забыть невозможно. Когда выступал Шаляпин, билет достать было трудно. Длинная очередь толпилась в морозные дни около Мариинского театра, двигалась медленно, но все же люди стремились купить билет в кассе: барышники продавали с рук по спекулятивной цене, втридорога. А на те спектакли, где сразу пели Шаляпин и Собинов, цены и в кассе повышались в три раза. Студентам трудно было попасть в театр. Они часто просили нас провести их. И вот, когда мы шли строем в театр, студенты, бывало, пристроятся к нам, и мы проводили их за

кулисы. Если выступает Шаляпин, весь театр, галерка, проходы заполнены народом. Нарушались все правила пожарной безопасности – так много было всегда желающих попасть на спектакль. До начала еще далеко, но подойдешь к занавесу, посмотришь через дырочку в зал – народу там столько, что как в муравейнике шевелятся, все проходы забиты приставными местами... Когда Федор Иванович шел из своей артистической на сцену, впереди бежал его секретарь Исай Григорьевич Дворищин и говорил: “Шаляпин идет, Шаляпин”... Перед кулисой Федор Иванович садился в кресло и громко пробовал свой голос, а мы, статисты, во все глаза глядели на него. Некоторые даже пытались заговорить с ним, пока Дворищин не гнал их прочь. Сидит он в кресле, такой величественный, царь. Борис Годунов, в парчовом одеянии, усыпанном разноцветными камнями... Величественная была осанка Шаляпина, когда, стоя на паперти Успенского собора, он исполнял знаменитый монолог: “Скорбит душа...” ...А мы, матросы, в это время стояли, переодетые стрельцами, совсем недалеко от него. В другой картине – в царском тереме, исполняя монолог “Достиг я высшей власти. Шестой уж год я царствую спокойно...”, Шаляпин умел это слово “спокойно” так спеть, что мурашки по спине бегали. В опере “Борис Годунов” Шаляпин совершенно преображался. Он заставлял забывать, что перед тобой артист, а не сам царь Борис. А когда произносил: “Чур, чур, дитя... Не я твой лиходей...”, я тоже невольно ощущал неодолимый ужас и не мог не смотреть в тот угол, куда Шаляпин устремлял свой взгляд, как-то по-особенному вперив его в одну точку. Голосом, полным дрожи, он говорил: “Что это там... в углу?” Так велика была сила артистического дарования Шаляпина, что впечатление это не изгладилось из моей памяти до сих пор. До чего же он был хорош! Как любила его публика! Гром аплодисментов после каждой картины. Он раза два-три выйдет, а его все вызывают. Администрация, директор театра – все просят его выйти на сцену. Но у него на переодевание и грим уходило немало времени, и выходить в перерывах кланяться он не любил. Со сцены в артистическую уборную он возвращался весь мокрый. Бывало, сидит в кресле перед большим зеркалом в одной нижней рубашке – такой весь красный, как будто только что вышел из парилки. Обтирается полотенцем, а сам, улыбаясь, говорит: “Ну что? Понравилось тебе, как я спел?” “Да, – говорю, – Федор Иванович, очень понравилось. А сейчас смотрю на вас – вы не такой, как на сцене”. А он переодевается и говорит: “Мне надо быстро готовиться к следующей картине, а тут все еще просят, чтобы я вышел на аплодисменты”. Гримировался он сам, ему только преподносили карандаши да краски. В это время я всегда старался уловить момент поговорить с ним. Приятно было говорить с ним. Душа у него была русская! Мне пришлось видеть, как Шаляпина в одеянии царя Бориса рисовал художник А.Я. Головин. Шаляпин в это время жаловался мне: “Вот, надо позировать!” Позировал он в продолжение нескольких минут, каждый раз перед тем как выйти на сцену. После спектакля народ долго не расходился... Оперу “Борис Годунов” мне удалось видеть раз десять. И всегда с участием Шаляпина. В 30-е годы я как-то снова смотрел “Бориса Годунова”, но это было уже не то... В Мариинском театре в те годы был дирижером композитор Направник. Бывало, станет за пюпитр, раскроет партитуру, палочкой взмахнет – и польются чарующие звуки. Направник был маленького роста, подтянутый, в черном фраке, голова белая. Помню, Шаляпин на репетициях иногда подправлял оркестр. Направник долго не соглашался, но Шаляпин как-то умел подчинить себе и его. На репетициях все пели полным голосом, а Шаляпин – негромко. На спектакле “Руслан и Людмила” в перерывах, когда Шаляпин не пел, он любил пошутить. Иной раз так рассмешит, что фыркнешь. Эти шутки он устраивал тут же, за кулисами, во время спектакля. Однажды за кулисами Шаляпин, Тартаков, Сибиряков и другие артисты слушали молодого певца Пиотровского (он

потом выступал в Литве под своим настоящим именем – Кипрас Петраускас – и был удостоен звания народного артиста СССР). Шаляпин сказал тогда о нем: “Это наша восходящая звезда”. Шаляпин носил звание “солиста его величества”, а мы, матросы, до революции назывались “нижними чинами”. Иначе сказать, нас считали людьми низшего сорта. В Кронштадте у входа в сад и в Летнем саду в Петербурге, да и в других садах были надписи: “Строго воспрещается вход нижним чинам и собакам”. Нижним чинам не разрешалось ходить по правой стороне Невского проспекта. Но Шаляпин был всегда прост с нами и сердечен, поговорит с тобой, пошутит, как с равным. В конце 1917 года Шаляпин выступал в Мариинском театре, в концерте для фронтовиков. Солдаты и матросы сидели в театре в полушубках и валенках, внимательно слушали Шаляпина. В зале было холодно. В то время в Петрограде был топливный кризис, население получало дрова на вес – не более пуда. В 1918 году я был членом Военного отдела Народного комиссариата по морским делам. Мы располагались в бывшем здании Гвардейского экипажа. Тут из матросов формировались экспедиционные отряды. К нам часто приходили артисты Мариинского театра. Шаляпин своим исполнением песен умел поднимать настроение, умел воодушевлять уходивших на фронт моряков. Перед каждой отправкой матросов мы старались устроить концерт для них в нашем кинотеатре “Школюнг”. На этих концертах выступали певцы Сибиряков, Пиотровский, балерина Люком и другие. После концерта артисты поднимались на второй этаж, и мы с ними расплачивались продуктами: кому давали фунт муки, кому – полфунта сахара, кому – селедки. Один раз Шаляпин и Сибиряков были так тронуты этим вниманием, что здесь же, в Военном отделе, запели какой-то дуэт, не помню какой. Мы с большим вниманием слушали их. А потом все сошли вниз и провожали отряд моряков, уходивший на фронт. В конце того же, 1918 года Шаляпин выступал для матросов в Мариинском театре. Он был в подпоясанной шнуром голубой рубашке и высоких сапогах. Запел “Дубинушку” и всех заставил петь. По его знаку весь зал подхватил: “Эх, дубинушка, ухнем!”. После концерта весь театр гремел – мы благодарили Федора Ивановича за то, что он пел для нас. Было торжественно! Но случилось, что Шаляпин ставил нас, членов Военного отдела, в трудное положение. Один раз запросил полпуда муки. Это по тем временам! Нам пришлось посоветоваться, дать ли столько. Но после его концерта матросы всегда загорались – решили дать. В 20-х годах я служил на Гидроавиационной базе Балтфлота. Наш отряд был расквартирован на Каменноостровском проспекте, а за углом был дом Шаляпина. Многие матросы нашего отряда ходили к нему на квартиру, и он с ними охотно беседовал на разные темы. В последний раз я встретился с Шаляпиным весной 1921 или 1922 года – сейчас трудно вспомнить. Мы ехали на грузовике по служебным делам по Каменноостровскому, ныне Кировскому, проспекту. У нас были бочки из-под бензина. На проспекте стоит Федор Иванович, в сером костюме, с тросточкой, на руке пальто. И машет нам тросточкой: “Моряки, вы куда едете?” Мы отвечаем ему: “На Гутуевский остров”. Он просит, чтобы мы взяли его на грузовик – в Петрограде с транспортом было плохо. Так мы, стоя в кузове, и ехали с Шаляпиным. Он сказал нам, что ему надо в портовую таможду, что он уезжает на гастроли за границу. В грузовике бочки железные катались, и стоять было трудно. Но мы довезли Шаляпина до портовой таможи. Федор Иванович испачкал свой костюм, но мы его бензином отчистили и распрощались с Шаляпиным. Больше нам не суждено было свидеться”. Так заканчиваются воспоминания бывшего матроса Балтийского флота Николая Павловича Ядрова, члена КПСС с 1924 года. Знакомство с ним привело к тому, что в моих руках оказался еще один документ о Ф.И. Шаляпине. Н.П. Ядров заочно познакомил меня с близким

своим другом – моряком А.Е. Воробьевым. Александр Ефимович Воробьев – старый большевик. В начале 900-х годов он работал в Нижнем Новгороде вместе с Я.М. Свердловым. Потом служил в Балтфлоте. В октябре 1917 года вместе с Ядровым штурмовал Зимний, был начальником караула в Смольном, у В.И. Ленина, потом первым комиссаром Балтфлота. Много энергии отдал А.Е. Воробьев организации экспедиционных отрядов морской пехоты, уходивших на фронты гражданской войны. В письмах А.Е. Воробьева содержатся важные сведения о помощи, которую Ф.И. Шаляпин оказал подпольной организации нижегородских большевиков. Вот что рассказывает Александр Ефимович: “Помнится, это было в году 1902 или 1903-м. Федор Иванович Шаляпин пел на Нижегородской ярмарке, в Ярмарочном театре. Я работал в ту пору на Сормовском заводе, был профессиональным революционером. Нам была необходима денежная помощь на покупку печатного агрегата. Яков Михайлович Свердлов, Иван Чугурин (работавший в большевистском подполье на Урале) и я поехали к Алексею Максимовичу Горькому, чтобы посоветоваться. А.М. Горький очень сочувственно отнесся к нашей идее и поехал с нами на ярмарку, в оперный театр, к Федору Ивановичу Шаляпину. В театре шла репетиция оперы “Фауст”, в которой Шаляпин пел партию Мефистофеля. После репетиции Федор Иванович встретил нас в своей артистической уборной. Горький изложил ему нашу просьбу. – А это не опасно? – спросил Шаляпин. – Ведь вы рискуете многим! Алексей Максимович ответил ему, что мы народ опытный. Шаляпин сказал Алексею Максимовичу, что даст ответ на следующий день, а нас пригласил в оперу, принес три контрамарки. Когда мы вышли от Шаляпина, Горький сказал Свердлову: – Ты обязательно послушай с ребятами оперу “Фауст”. Шаляпин второй раз будет петь Мефистофеля. В этот вечер я впервые услышал Шаляпина. Это был настоящий дьявол! Вся публика была потрясена его голосом и игрой. Театр дрожал от оваций. Через три дня Я.М. Свердлов сообщил, что деньги получены. Агрегат был куплен, и вскоре подпольная типография заработала. А мы продолжали получать от Федора Ивановича контрамарки и ходили слушать оперы, в которых он пел. Не раз он приводил нас к режиссеру, и мы участвовали статистами в операх “Аида” и “Демон”. В 1918 году, когда я был первым комиссаром личного состава Военно-Морского Балтийского флота, Я.М. Свердлов вызвал меня в Смольный и спросил: – Чем может ваш флот помочь железнодорожникам Украины? Я подумал и ответил, что мы можем устроить в Летнем саду концерт с участием Шаляпина. Яков Михайлович обещал нам напечатать афиши и дал возможность организовать концерт в Летнем саду. Я поехал к Шаляпину на Петроградскую сторону (улицы теперь не помню). Когда я напомнил ему о наших встречах в Нижнем Новгороде, он усадил меня в кресло и мы стали говорить о прошедших годах. Федор Иванович был очень любезен и не только согласился выступить в нашем флотском концерте, но написал нам рекомендательные письма к артистам, которые могли бы также принять участие в нем. В тот вечер, когда состоялся концерт, была прекрасная погода. У входа в Летний сад стояли моряки и продавали билеты. В середине сада мы установили высокую площадку, с которой выступали артисты. Чудесно пел Шаляпин! Было так тихо, что его прекрасный голос был ясно слышен и публике, которая не смогла попасть в сад, а стояла за решеткой и слушала наш флотский концерт. Помню, сбор был колоссальный для того времени. После концерта стали думать, как отблагодарить артистов. Решено было преподнести им армейские пайки. В дальнейшем мы не раз приглашали Шаляпина в Морской корпус и в Гвардейский экипаж. Эти выступления Шаляпина долго-долго вспоминали потом военные моряки. Великий артист шел в народную массу без гордости и зазнайства. Вот почему мы в те суровые годы с особенным удовольствием

слушали, как Шаляпин пел “Есть на Волге утес...” или “Дубинушку”. И нам, ветеранам, хочется, чтобы память о народном русском певце была сохранена для будущих поколений”. Это письмо, так же как и воспоминания Н.П. Ядрова, еще раз – и очень авторитетно – подтверждает силу шаляпинского искусства, свидетельствует о том, какое огромное воздействие оказывало пение Шаляпина на людей, совершивших величайшую в мире революцию. В конце письма А.Е. Воробьев ставил вопрос об организации музея Ф.И. Шаляпина, о чем, кстати сказать, пишут многие. И действительно, пора создать в Москве такой музей. Пора в полную меру оценить вклад Шаляпина в русское и мировое искусство. Ираклий АНДРОНИКОВ, из воспоминаний “К музыке” (“Музична Україна”, Киев)

© Издательский Дом «Новый Взгляд»